

Андрей Курков

Деклассированные

Часть сборника
Форель à la нежность (сборник)

Андрей Курков

Деклассированные

«Фолио»

1984

Курков А. Ю.

Деклассированные / А. Ю. Курков — «Фолио», 1984

«Сразу после революции у дома № 8 по Низкопоклонному переулку появился новый список жильцов. Конечно, новые жильцы тоже не замедлили появиться, но это событие уже второй важности, потому как список без них – хоть куда, а они без него...И приколотил этот список прямо к дверям не кто-нибудь, а точнее – не кто попало, а сам новый дворник Феодор, из расстриг...»

© Курков А. Ю., 1984

© Фолио, 1984

Андрей Курков

Деклассированные

Посвящается Константину Вагинову и Андрею Платонову

1

Сразу после революции у дома № 8 по Низкопоклонному переулку появился новый список жильцов. Конечно, новые жильцы тоже не замедлили появиться, но это событие уже второй важности, потому как список без них – хоть куда, а они без него...

И приколотил этот список прямо к дверям не кто-нибудь, а точнее – не кто попало, а сам новый дворник Феодор, из расстриг. Сей список здесь же и прилагается:

Список жильцов одноподъездного дома № 8 по Низкопоклонному переулку

- кв. 1 – дворник Феодор
- кв. 2 – Товарнов-Вагонский
- кв. 3 – женщина Апологетта
- кв. 4 – Мудренов Агатангел Ильич (профессор философии)
- кв. 5 – Иван Магнитогорович (пролетарий)
- кв. 6 – еврей Бухманд (православный)
- флигель – Муся, собака дворника.

Как-то раз наступило утро 6 сентября 191... года. С трудом оторвав голову от подушки, изготовленной из бывшего барского дивана, проснулся дворник Феодор и, поерзавши с полчаса на софе, стал готовиться отойти ко второму утреннему сну, но, вспомнив о делах насущных, все-таки встал и побрел искать воду для омовения. Прошло всего лишь трое суток со дня возрождения новых порядков в старом доме, и он еще не привык к расположению своей роскошной однокомнатной квартиры.

Умывшись спросонья, он по привычке подошел к образам, висевшим в углу, трижды плюнул на каждый, потом трижды же повторил: «Я – атеист, я – атеист, я – атеист!» После этого аккуратно вытер слюну с икон маленькой тряпочкой и улыбнулся, вспомнив нечто из глухой монастырской жизни. Потом резко сменил улыбку на суровое выражение лица и протараторил: «Религия – опиум для народа! Чур меня! Чур!» Феодор выглянул в окно и задумался о жизни. В это же утро о жизни задумались и остальные жильцы дома № 8. Ведь когда больше не о чем думать, все думают о жизни.

Размышления дворника Феодора о жизни.

Мысль № 1: Жизнь – это хорошо! А жилец кв. 5 – сволочь и дерьмо и звать его не по-христиански (Я – атеист: 3 раза) – Иван Магнитогорович, хоть и на русского похож. Все равно сволочь! Кто ж на новую квартиру в первый же день баб ведет! Да еще сразу трех в красных косынках! Может, секта какая?! Муся бедная сейчас, небось, зубами около хвоста роется, больно много блох этой осенью. Вот бы их, родименьких, этому Магнитогоровичу подкинуть, а от него и бабам этим краснокосынчатым! Погода хорошая! Хватит размышлять, мести пора!

2

И наступил вечер в доме № 8 по Низкопоклонному переулку. Из флигеля доносилось недовольное ворчание Муси, из квартиры дворника – то молитвы, то звуки искренних плевков, а из апартаментов профессора философии – столярный стук.

На третьем этаже болезненно заскрипела дверь, и на лестничную площадку по-лисы вышел Иван Магнитогорович в запятнанных галифе и в затертом сером пиджаке, надетом на голое тело. Он наклонился над лестничным пролетом, вслушиваясь в звуки парадного. Весь шум сливался в легкое волнение ушных мембран и после бурных лет революции мог вполне сойти за божественную тишину. Магнитогорович на цыпочках спустился вниз и, выглянув на улицу, осмотрелся по сторонам.

– Все тихо! – недовольно буркнул он. – Хоть какой бы шум! Притаились!

Он вышел на улицу, стал лицом к дому и зашептал: «Так-так, у дворника горит свет, у профессора тоже, на третьем... а кто там? Черт возьми! Ну ладно, запишем. Он достал мятую бумажку и нацарапал что-то там карандашом, потом громко сморкнулся на землю и снова зашел в подъезд.

3

Агатангел Ильич Мудренов вышел из дому туманным послереволюционным утром. Низкопоклонный переулок еще спал, не обращая активного внимания на лошадиный топот куда-то вперед спешащей истории. В тумане мелькали темные элементы в темно-серых плащах с поднятыми воротниками. «Это люди будущего... – думал, замечая их, Мудренов. – Из тумана вышли, в тумане и исчезнут...»

Он уже минут десять как свернул с Низкопоклонного переулка, прошелся по Солдаткинской и очутился в конце концов на бульваре Липко. Здесь тумана было поменьше, появился выбор дороги, который и смутил профессора. Покрутив головой в разные стороны бульвара, он сделал решительный шаг назад и призадумался, после чего повернул направо. Идя медленно по левой стороне, он внимательно ошупывал глазами все вывески и дома. Вдруг он остановился. Вывеска над дверьми гласила: «АРТЕЛЬ «ВЕЧНАЯ РАДОСТЬ» О-ВА ГЛУХОНЕМЫХ». Дверь была закрыта. Мудренов запомнил адрес дома и облегченной походкой деклассированного элемента двинулся дальше по бульвару.

Прошло два часа. Утро приняло вполне рабочий облик. Везде стоял трудовой шум, шокирующий капиталистическую Европу. По улицам бегали бездомные собаки, обычно никого не кусая, и лишь изредка набрасывались они на ухоженных высокомерных болонок и мопсов, оставляя от них собачью сущность. Агатангел Ильич робко приоткрыл дверь в артель и бочком протерся вовнутрь. В помещении стоял невероятный шум. За верстаками работали около полутора десятков рабочих, мелькали рубанки, молотки подпрыгивали и с грохотом опускались на доски. Люди работали увлеченно, не обращая внимания друг на друга, не глядя ни на что, кроме как на предмет своей работы. Агатангела Ильича никто не заметил. Он простоял четверть часа, наблюдая за трудом. Потом подошел к ближайшему рабочему и дотронулся до его плеча. Тот обернулся, провел взглядом от ног до головы и в обратном направлении, взял большую метровую линейку и принялся измерять гостя. Мудренов отвел линейку от своих ног и показал пальцем на доски. Рабочий непонимающе выпучил глаза и уставился на профессора. Профессор сам подошел к верстаку, вежливо отодвинув труженика, взял рубанок и сделал несколько производительных движений. Оглянулся на рабочего. Тот открыл рот, из которого вылетело некое бессловесное удивление. Другие глухонемые обернулись, должно быть, восприняв это удивление на каком-то сверхзвуковом уровне. Отложив инструменты, они с прищу-

ренным воодушевлением смотрели на профессора. Мудренов, внутренне польщенный пролетарским вниманием, сделал еще несколько публичных рабочих движений. Несколько рабочих подошли к верстаку и провели пальцами по поверхности доски, над которой Мудренов производил рубаночное действие. Доска им понравилась. Они по-доброму взглянули в глаза профессору, на что он потупился.

Неожиданно один из рабочих поднял руку, и все, замороженные, уставились на нее. Наступила густая тишина, гудевшая в каждом ухе. Поднятая рука опустилась, соединилась со второй и заиграла пальцами по воздуху. Глухонемые следили за ней не моргая. Когда она замерла, несколько рабочих беззвучно ответили, после этого состоялось массовое поднятие рук, напоминавшее обычное голосование. Когда процедура подошла к концу, рабочий, за верстаком которого Мудренов устроился, подошел вплотную к профессору, взял в руки рубанок и на протянутых ладонях вручил его гостю. Остальные захлопали.

Маленького роста рабочий подошел к профессору с бухгалтерской книгой и аккуратно положил ее на верстак. Книга открылась на положенном месте, так как была заложена огрызком карандаша. Мудренов понял по названию, что это «Книга учета бессловесной рабочей силы артели “Вечная радость”». Он с радостью вписал свою фамилию в надлежащую графу. Затем написал адрес. Под социальным званием поставил: «Пролетарий из бывших профессоров философии».

4

Агатангел возвращался на Низкопоклонный с поднятыми к лицу ладонями. Сверяя глазами свой путь, он снова и снова возвращал затем свой взгляд на ладони, покрытые вздутыми водянками.

– Я – пролетарий! – восторженно вырывалось у профессора. – Я человек новой эры!

Заметив идущую навстречу женщину, он остановился и ей в лицо сказал: «Мы наш, мы новый мир по...»

Договорить Агатангел Ильич не успел. Пухленькая враждебно настроенная ручка вздернулась в воздух и шлепок пришелся профессору по губам. Он удивленно посмотрел на женщину, подумал о ней вслух нехорошо и пошел.

– Гусак революционный! – бросила она ему вслед.

Он не обратил внимания на отсталость мышления встречной незнакомки и продолжал мысленно улыбаться на ходу.

По дороге профессор зашел в лавку и, облокотившись на прилавок, стал разглядывать различные алкогольные бутылки.

– Что у вас хорошего выпить имеется? – наконец он обратился к лавочнику.

– Коньяк французский дореволюционной доставки...

– А вам случайно не известно, что пролетарий пьет?

Лавочник бросил на посетителя сочувствующий взгляд.

– Если сам, то водку, если с пролетаркой – сельтерскую.

– Тогда водки, будьте добры.

Взяв бутылку, он вышел на Низкопоклонный и подошел к дому № 8. Пробило 9 вечера. Где-то выла собака. В сторону воя прошли торопливо двое с винтовками. Агатангел постучал к дворнику.

– А-а... – узнав жильца, промычал тот. – Дело али так?!

– Так, – ответил профессор и прошел в комнату.

Там стоял стол, старая софа, две табуретки. В углу висели заплеванные образа.

Агатангел торжественно поставил бутылку на стол. Дворник резко бросился к образам и задернул их занавеской.

– У-у-у, бесстыжие! – он погрозил в их сторону кулаком и выставил на стол два стакана. Потом открыл водку и, вопросительно взглянув на гостя, разлил по половинке.

– Радость у меня! – сообщил профессор.

– Да ну?

– Нашел работу по душе, а главное – нужную и полезную в наше новое время.

– Каждому – работу по душе! – брякнул дворник где-то услышанную фразу.

– Коллектив какой! – продолжал восхищаться Агатангел Ильич. – Слова лишнего не скажут, не ругаются, не злословят и даже, кажется, на работе не пьют!

– Быть не может! – Дворник выпучил глаза. – Свят-свят-свят! – Он перекрестился на задернутые иконы, раздраженно махнул рукой, подошел к ним, оттянул занавеску, смачно плюнул в рожу Христу, снова завесил его и вернулся за стол.

– Так вот, теперь я уже и пролетарий! – Агатангел покачал головой, словно еще сам не мог поверить во все происшедшее.

– Эк у нас все быстро меняется! Хошь – сволочь буржуйская, хошь – пролетарий. Хорошо!!! Не то что раньше было: кем родился, тем и помер! А работа-то где?

– Артель «Вечная радость».

– Эт на Липковском бульваре?

– Да, там.

– Видал я их вывеску. У меня там рядом знакомая прачка жила. Вот баба была – гром и молния. Сначала – как барина примет, а напоследок с лестницы спустит, как собаку последнюю. И что же делать там будете?

– В общем гробы и что-нибудь еще из дерева.

– Да, кажись, вы толк в этом деле разумеете.

– Это вроде увлечения у меня было... Часто раньше, когда профессором был, о смысле жизни задумывался, и вот как ни задумаюсь – хочется гроб сделать. Так и научился. Дело нетрудное, но весьма полезное. Людям так же необходимо, как коляска или кровать... Собственно говоря, это звенья одной цепи: сначала туман, потом колыбель – от слабости лежишь, потом кровать, а после – гроб – и снова туман. Такова наша жизнь. И между этими лежаниями человек ухитряется многое сделать – и революцию, и бунт поднять, и все что угодно. Это меня всегда в людях удивляло. Даже не верилось, что вот родился он, проказничал, бездельничал и пил, а вот нате вам – взял маузер, а потом и Зимний взял. Так из тумана великие дела творятся. В туман они потом и уходят, только век у них порой намного дольше человеческого.

– Вам бы с таким разумом вождем ихним стать... – уважительно высказался дворник.

– В вожди себя не предлагают. Это не президентские выборы. Их народ выбирает.

– Ну дак пусть вас и выберут! У вас мудрость еще царской закалки!

– Оно и плохо. Не в почете сейчас царская закалка.

– Выберут вас, ей-богу, тьфу, выберут! – уверил дворник и допил остаток водки. Убрал бутылку и стаканы со стола и отдернул занавеску с образов.

– Пойду уж спать, – сказал слегка захмелевший, а оттого и покрасневший профессор.

– Заходите, с чем будет! – попрощался дворник и щелкнул задвижкой.

5

Новый день тоже начался с тумана. Был слегка прохладен и свеж и так же безлюден поутру. Мудренов пришел в артель первым. Сторож тыкнул ему в лицо карманным будильником, показывая пальцем на часовую стрелку, не добравшую еще и до семи.

– Ничего, что рано, – раньше начну! – спокойно и вежливо сказал Агатангел Ильич.

– Ишь ты! Глухонемой, а говорит и понимает. Умный, видать, вроде начальника.

Мудренов встал за свой верстак, и рубанок в его руках задвигался так плавно и умело, словно смычок в руках у талантливого скрипача. За два часа он соорудил настоящее произведение искусства, оббил его черной материей, снял ботинки, примерил на себя, полежал чуток, поворочался, вылез довольный и, словно памятник на постамент, водрузил гроб на свой верстак.

6

Иван Магнитогорыч, закатив глаза и жуя кусок сала, размеренно листал пыльные страницы своей боевой памяти. Когда что-нибудь ценное для него возникало в голове, он откладывал сало, брал в руку огрызок карандаша и записывал это на куске промасленной оберточной бумаги. Наконец он закончил все сразу, завернул недоеденный кусок сала в исписанную бумагу, смел рукавом пиджака всякую отребь со стола на пол и вышел из квартиры. Трехдневная щетина придавала его лицу повышенную революционность и убежденность. Острый нос, худощавое лицо, узкие колющие глаза: такой человек мог быть и каторжником, и агентом охраны. Притом наверняка бы его воспринимали наоборот.

– Вы не скажете, где нынче штаб по борьбе с контрреволюцией? – твердым голосом спросил он у двух красноармейцев.

– А тебе, товарищ, что там надоть? Али контрреволюцию приглядел где? – ответил ему один, куривший какую-то траву, закрученную в газету «Утро России».

– Типографией царской от тебя несет! – невежливо бросил ему в лицо Магнитогорыч.

– Я те щас дам «царской»! – озлобился красноармеец и потянул винтовку с плеча. – Будя тебе тупо графией нюхаться...

– Пагодь, Митя, может, ему что действительно в том штабе нужно?! – примирительно вставил второй солдат, усатый и виду молодого.

– А чего он лается на Красную армию?!

– Да я газету самодержавную в виду имел, из которой ты себе козла закрутил! – вздохнув, пошел на попятную Магнитогорыч.

– Ладно. Не время вздорить. Штаб тебе нужен?! Иди по Липковскому до Солдаткинской, тама на углу знамя висит, под ним дверь. Уразумел?

– Спасибо, братья! – разворачиваясь, сказал Магнитогорыч и пошел, куда послали.

Стояло непонятное время суток, потому как солнце в небе отсутствовало по погодной причине. Ветер не дул, дождь не лил, и другие атмосферные явления не являлись. Природа настороженно молчала, притаившись в ожидании. Чего она ждала – было непонятно, то ли ночи, то ли чего-нибудь антисоциального, вроде грабежа или убийства.

Под флагом сидел крестьянской выправки солдат. Магнитогорыч возбудил в нем недовольство, и он, сурово насупившись, спросил про мандат.

– Я по делу революции.

– Жди! – бросил солдат и пошел внутрь.

Магнитогорыч простоял три минуты, отсутственно размышляя. Дверь открылась, и тот же солдат поманил его пальцем.

Посетитель зашел в темный коридор.

– Вон тама третья дверь слева – отхожее место, а потом в пятую...

– А зачем мне отхожее?!

– Положено! Чтоб от испугу атмосферу не изгадил в кабинете.

Магнитогорыч, минуя отхожее, зашел в пятую.

– Здравствуйте! – почти выкрикнул он, не глядя никуда, а только себе под ноги...

– Кому как... – покачивая головой, ответил сидевший за столом человек в пенсне и сером костюме. – Вы по какому вопросу?

– У меня изложено... – дрожащим голосом сообщил Магнитогорыч, вытаскивая из кармана кусок сала, завернутый в исписанную бумагу.

Хозяин кабинета с неприязнью взглянул на засаленный кусок бумаги, который Магнитогорыч, освободив от сала, протягивал ему. В конце концов он схватил бумагу двумя пальцами и поднес к глазам. Губы его зашевелились, глаза прищурились за стеклами пенсне. Он читал.

– Так! – Голова оторвалась от бумаги. – Какое у вас образование?

– Пролетарское! – испуганно ответил Магнитогорыч.

– Плохо пишете, – медленно, словно размышляя вслух, говорил хозяин кабинета, – почерк никуда не годится, никакой образности, язык корявый... Вы что-нибудь читаете?

Магнитогорыч растерялся и не знал, как ответить.

– Молчите?! Задатки у вас есть, но не хватает образования... А впрочем, направлю я вас кой-куда, пусть на вас более серьезные люди посмотрят...

Магнитогорыч получил листок с адресом и вышел из кабинета.

Солдат, провожая Магнитогорыча, повел носом и освидетельствовал: никак чистый запах, ан и в отхожем не был...

7

Дворник Феодор поднялся на второй этаж и постучал в квартиру под третьим номером.

– Кто там? – зазвенел женский голос.

– Вечер добрый, дворник я ваш...

Дверь открылась, и женщина лет тридцати с мелочью и с ослепительной улыбкой на напудренном лице пригласила войти.

– Я к вам по делу... – Феодор замялся в прихожей.

– А мне, чай, все равно. У вас, мужчин, все дела одинаковы... – игриво отвечала она.

– Дело-то в клопах, – уже потише добавил дворник. – А я, извиняйте, как вас по батюшке, и не знаю.

– Апологетта Аристарховна, но не надо так длинно, а то мы с вами и поговорить ни о чем не успеем. Зовите меня Полей.

– Так вот, кажись, из вашей квартиры вниз клопы бегут...

– А чай пить будете? – не слушая гостя, спросила хозяйка.

– Чай?! Добро, выпью... Так вот, клопы эти, что от вас бегут, дюже злые. Чего они такие?!

– Вы все о том же?! Клопы?! Да откуда я знаю, отчего они злые или отчего добрые?! У них своя жизнь, у нас, людей, своя. Давайте жить как люди, а не как клопы!

– Давайте... – нерешительно согласился Феодор. – Но вот клопы эти мою собаку Мусю замучали. Она за неделю на три фунта похудела...

– Ну не будьте же вы таким занудою, Федя! Вы же согласились жить по-людски, а не так, как клопы живут! Вот идите в ту комнату, там спальня. Располагайтесь, раздеться можете, а я пока чай заварю.

Феодор с широко раскрытыми глазами удалился в полутемную спальню и выглянул из окна вниз. Окно выходило прямо на Низкопоклонный. Внизу виднелась какая-то фигурка, прищуренно переводившая взгляд с одного окна на другое.

– У-у, гнус гниlostный! – вырвалось у Феодора, когда он узнал в фигуре жильца квартиры № 5 Ивана Магнитогорыча. – И че это он высматривает да вынюхивает, гнида хвостатая?..

– Что вы там, молитесь? – донесся с кухни голос Поли.

Феодор резко оглянулся, еще раз с недовольством бросил взгляд в Магнитогорыча, отошел от окна и, сбросив пиджак, уселся на стул у трюмо.

– А вот и чаек... – Апологетта зашла в спальню с подносом в руках. – Вы видите, до чего дошло! Мужчины, вместо того чтобы продолжать род и нести радость в обоюдную жизнь,

занимаются оплодотворением бесплодных политических идей и планов. Это же сплошное массовое извращение понятия жизни! Вот вы читали сочинения господина Арцыбашева?

– Не... – тихо ответил Феодор, оставив рот приоткрытым для продолжения беседы.

– А Пантелеймона Романова?

– Псалтырь я читал и еще пару книг...

– Ну вот, вы не знаете, может, оттого у вас и сохранился пристойный вид и правильное понятие. А то ведь как чума: мужчины – в революцию, женщины – и того хуже... За маузер отдаются, и без всякой страсти, а так, ради революции...

– Да-а-а-а, да-а-а, – говорил Феодор, попивая чай и поглядывая на высокую грудь, рвущуюся из восточного халата.

8

– Так вас сюда направил товарищ Кращекин?! – удивленно и отчасти радостно воскликнул толстенький человек с родимым пятном на носу, читая бумажку, полученную из рук Магнитогорыча. Сам Магнитогорыч сидел тут же, по другую сторону стола. Довольный вид толстенького человека не внушал никаких опасений за свое, а также и всенародное будущее.

– Как вас зовут?

– Трябин Иван Магнитогорыч.

– Рост?

– Средний, – быстро и четко ответил посетитель.

Толстенький улыбнулся.

– Реакция у вас отменная. Товарищ Кращекин никогда не ошибается, у него просто гениальный нюх. Значит, хотите применить ваши способности и умения на общее благо?!

– Да. Желаю, – осмелев, Магнитогорыч отвечал так, словно требовал назад деньги.

– Внешность у вас тоже выигрышная, бесхитростная, в глаза не бросается. Но, конечно, многому вам придется научиться, многому... Силы в себе на это чувствуете?

– Да я в себе все что угодно чувствую! – Магнитогорыч чуть было не ударил себя кулаком в грудь.

– Отлично, отлично... – монотонно повторил толстенький с таким видом, будто успокаивал разрезвившегося не в меру пса. – Вот вам в качестве подготовки: выберете кого-нибудь из знакомых или соседей, которые поподозрительней, и постарайтесь войти в доверие так прочно, чтобы узнать все подробности жизни, вплоть до интимных. Будьте естественны, но не перегибайте палку. Больше слушайте и меньше сами говорите! Понятно?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.